

ФИЛОСОФИЯ*(шифр научной специальности: 09.00.11)*

УДК 101

А.М. Олешкова

*Нижнетагильский государственный
социально-педагогический институт (филиал)
Российского государственного
профессионально-педагогического университета
г. Нижний Тагил, Россия
oleshkova@bk.ru*

**ГЕНДЕРНОЕ МИРОУСТРОЙСТВО В АНТИУТОПИИ
КАК ИНДИКАТОР ФУТУРОЛОГИЧЕСКИХ ОПАСЕНИЙ**

***[Anna M. Oleshkova Gender world order in dystopia
as a signifier of anxiety about the future]***

Dystopian literature, which reflects social change that takes place in the process of modernization, is viewed from a number of methodological approaches. The novel “The Handmaid’s Tale”, by M. Atwood, reflects a number fundamental problems and categories of social and philosophical studies, such as modernization theory (I. Wallerstein, S. Huntington), the Frankfurt School (H. Arendt, Th. Adorno, H. Marcuse), postmodernism (M. Foucault, S. Zizek), existentialism (J. Sartre, A. Camus, S. de Beauvoir). The main issues in dystopian literature could be studied with the help of critical discourse analysis (R. Wodak, Th. Van Dyke), which enables us to single out the ideological concepts dominating the culture in XXth-XXIst centuries. The philosophical application assisted in identifying the issues that need further academic research, as they indicate a negative course of social and cultural evolution: gender inequality, identity crisis, hostility, alienation, banality of evil.

Key words: identity, gender, modernization, secularization, critical discourse analysis.

В современном мире жанр антиутопий не случайно обрел новый пик популярности. Нелинейность модернизации, асинхронность эволюционных и революционных преобразований современного общества, культурные лаги, соотношение секулярности и постсекулярности – эти и иные процессы, которые пытаются осмыслить новейшие редакции теории модернизации, подчеркивают актуальность антиутопии – жанра, устанавливающего связь между академическим и художественным дискурсами.

С одной стороны, антиутопия сама представляет собой метод предвидения будущего, является индикатором потенциальных сценариев развития общества, государства, институтов. С другой, методологическим ориентиром для анализа антиутопий являются три группы подходов. Во-первых, теория модернизации, представленная в работах И. Валлерстайна и С. Хантингтона, позволяет определить вектор социально-политических и социально-экономических трансформаций и дать оценку процессу модернизации обществ в синхроническом и диахроническом срезе, актуализировать противопоставления «традиция» – «современность», «прогресс» – «регресс», «революция» – «эволюция». Во-вторых, теория критического дискурс-анализа, представленная исследованиями Р. Водак, Т. ван Дейка, позволяет анализировать идеологии, концепты, скрытые смыслы, присутствующие в современном обществе. В-третьих, в качестве методологического ориентира использованы труды представителей Франкфуртской школы: Х. Арндт, Т. Адорно, Г. Маркузе, взгляды которых дают возможность критически подойти к массовой культуре и человеку массы, увидеть в их эволюции причины кризиса культуры.

Режим, воссоздаваемый Этвуд в романе «Рассказ служанки» [12], позволяет провести параллель с классической моделью тоталитарного общества, описанного Дж. Оруэллом в романе «1984» [9]. Идея Большого брата находит свое воплощение в системе Ока и его служителей. Антагонизм Океании и Остазии воплощен в противоположных ценностных моделях Новой Англии и Старого мира. Классическим элементом подобных режимов является наличие внешнего и внутреннего врага. «Козлы отпущения» всегда по-разному конструируются государствами [4, с. 13]. Образ врага представляет собой «воплощение Зла», но при этом способствует консолидации остальной части социума [3, с. 65, 250]. Важно отметить, что в отличие от экранизации, в тексте романа актуализирована проблема расизма.

Гротеск отдельных сюжетных линий сочетается с реальностью предпосылок, причин, поводов и последствий проблем, с которыми может столкнуться государство и общество при выборе методов их решения. Один из важных уроков антиутопий: переход к тоталитаризму никогда не происходит внезапно и одночасье. При всей прогрессивности и либеральности современный Запад сам начинает испытывать то, что С. Хантингтон назвал «отторжением» [11, с. 102–103] – процесс, который первоначально был характерен для азиат-

ских государств и выражался в отрицании необходимости демократических перемен. Становление режима Галаад показывает, насколько хрупкой может оказаться морально-правовая конструкция демократии и толерантности, казалось бы, гарантирующая равенство прав и защиту от дискриминации, как минимум, в обществах условного Запада.

По сюжету романа, демографические показатели и спад рождаемости активизируют дискуссии о гендерных ролях, в которых отдельные группы начинают брать на себя право непреложной истины мнения. Первоначально появляются, как может показаться, странные и незначительные изменения в повседневных практиках людей, которые можно списать на рядовую бюрократизацию, характерную для любого современного общества: например, семьям предписывается получать и предоставлять различные справки: в частности, с обязательной подписью мужа, которые должны демонстрировать женщины при покупке средств контрацепции в аптеке. Активно расширяется сфера отчетности перед различными инстанциями: например, предоставление работникам медицины и образования сведений о частных подробностях семейной жизни женщины, формально необходимые для лучшей заботы о детях.

Параллельно с этим инициативами, не сразу складывающимися внешне в единую концепцию регламентаций и принуждений и вторжения в частное пространство человека, общество начинает постепенно заряжаться на манифестации и раскалываться на противников и сторонников подобных инициатив, реанимирующих архаический монохромный дискурс о «традиционных» гендерных ролях и «истинном» предназначении мужчин и женщин в обществе. Карьерный рост и интеллектуальная работа женщин воспринимается как препятствие для соблюдения своего «предназначения», женщина лишается возможности работать, иметь собственный банковский счет, теряя самостоятельность, попадает в абсолютную зависимость от мужчины. Мужчины и женщины, проживающие вне официального союза или пытающиеся вступить в новый брак, объявляются вне закона и считаются преступниками. Провинившиеся женщины получают статус «служанок». Следует понимать, что описываемые события разворачиваются на фоне тенденции к строгой иерархичности и резкой социальной стратификации, результатом чего стало выделение элитарных групп, в руках которых сосредоточены основные блага и ресурсы влияния на правовые механизмы, определяющие табуизированные и императивные аспекты жизни.

Параллельно с законодательными инициативами новый миропорядок легализуется и легитимизируется через библейские сюжеты, которые считаются абсолютными и единственными прецедентами для современного общества и государства. Новый статус женщин, нарушивших заветы Бога – «служанка» – подразумевает выполнение функций суррогатных матерей для бесплодных семей элиты. Проблема отчуждения и стертой идентичности современного человека аллегорически показана через запрещение настоящих имен женщин-служанок. Похожая процедура описана в романе «Мы», в котором потеря субъектом своего статуса происходила через замену имен на «нумера» [7, с. 6].

«Имманентная критика», свойственная представителям Франкфуртской школы, и установки на эмпирические исследования привели к разработке концепта «авторитаризм», все признаки которого составляют механику режима Галаад: следование одной идеологии, господство одной партии, недопустимость оппозиционной силы, подавление свобод. Житель республики обладает характерными для авторитарной личности чертами: консерватизм, склонность подчинению и доминированию, нелабильность, ригидность, стереотипность мышления, коллективная враждебность к Другому, отсутствие доверительной обстановки в отношениях всех членов общества. При этом в исследовании Т. Адорно религиозный фактор показан как второстепенный, не оказывающий сильного эмоционального влияния на формирование личности авторитарного типа. Тогда как режим Галаада построен на религиозном фанатизме. Кроме того, Адорно отмечает, что религиозные идеи оказывают определенное влияние на «глубинном и бессознательном уровне» [1, с. 247]. Симптоматично само название республики: Галаад как новое наименование для США не случайно. Истоки репрессивного уклада Галаада скрываются в нарушении ветхозаветного завета Моисея, который запретил идти в землю, именованную Галаад. Тем самым произошло нарушение естественного мироустройства, как следствие, рай обернулся для виновников репрессиями.

Выполнив «свой долг», родив ребенка от командора, «служанка» должна была переходить в новую семью, где все повторялось вновь, пока она была в детородном состоянии. Служанка должна была переходить от одной семьи к другой и именовалась каждый раз по-разному: Фредова (хозяин дома командор Фред), Гленова (командор Глен), Джонова (командор Джон) и т.д. Если у «служанки» были собственные дети, то они у нее, как у «недостойной матери», от-

бирались и передавались в бездетную семью элиты. Если «служанка» сама является бездетной, она направляется в колонию, жительницы которой должны были заниматься тяжелым и вредным для здоровья трудом и вскоре умирали.

Роман актуализирует вопросы, которым посвящены важнейшие художественные и философские тексты XX в. Славой Жижек в работе «Чума фантазий» описывает утрату субъектности при действии через «Другого» [6, с. 210]. «Другой», делающий за субъекта определенный набор действий, лишает субъекта возможности быть собой. В этой связи Жижек пишет о минимальных условиях возникновения субъективности. В республике Галаад такие условия отсутствуют полностью. Автономная личность в антиутопическом режиме не может выжить. Женщина лишена права работать, данный тезис начинает осознаваться как особенно важный для идеологии режима, когда становится ясно, что, среди прочего, табуизированными оказываются чтение и письмо.

Согласно Т. Ван Дейку, только властные группы имеют полный доступ к дискурсу и его воспроизводству [5, с. 50]. Безвластные, в свою очередь, не способны вообще породить какой-либо текст. И, действительно, рядовые жители Галаада абсолютно пассивны в коммуникации. Они лишены доступа к средствам массовой информации, их мнение не является авторитетным, кроме того, у них отсутствует повод, по которому они могли бы его высказать. Когда под присмотром жены командора Фреда главная героиня обедает с другими служанками, ничего, кроме дежурных реплик о хорошей погоде и других клише, они не произносят. Даже женщины, представляющие в романе элитные семьи, то есть те семьи, в которые направляются на «службу» служанки, лишены возможности читать. Единственный легальный досуг, который они могут иметь – вязание. Жижек развивает, казалось бы, очевидный тезис о действии посредством суррогатов (при очевидном следствии, что это характеристика женщины как слабого безвольного существа) в парадоксальном направлении. Идея наслаждения, являющаяся важной для всей лакановской и постлаккановской мысли, позволяет охарактеризовать женщину, находящуюся даже в такой сложной ситуации, как эманацию гегельянской «хитрости Разума» [6, с. 213]. Сознательный отказ от прямого действия (снятие с себя опции субъекта) можно трактовать как крушение эгоистических императивов. С учетом того, что в романе, с одной стороны, присутствует тема координации женщин и их сопротивление сложившейся доминанте (в

скрытом и относительно явном видах), с другой – сюжеты о принятии данных форм подчинения и нахождение в этом удовольствия (в осознанном и неосознанном видах), можно согласиться с Жижеком в возможном варианте такой интерпретации генезиса гендерной конструкции Другого.

Сложной оказывается идентичность главной героини романа. У нее хорошее образование, до жизни в республике Галаад была успешная карьера редактора, она прекрасно понимает все, что происходит в стране, однако не в силах ничего изменить. Потеряв мужа и ребенка, она живет, раздираемая противоречивыми желаниями покончить с собой, убить своих обидчиков, найти мужа и дочь, приспособиться к своему новому «я», выраженному в презируемом статусе «служанки», пребывая в постоянной атмосфере страха и абсурда. Смятение чувств, необходимость их подавлять, систематические вынужденные интимные контакты с командором и обретение новой страстной связи отражают вынужденную расколотость собственного «Я» главной героини, угрозу его полной утраты.

Индустриальное общество порождает феномен «контролируемого удовлетворения» [8, с. 338]. Сексуальность выступает частью властного механизма. Дискурс о сексе в Галааде одновременно табуизирован и рутинизирован. Сам процесс понимается в телеологических категориях, важным является лишь его функциональное значение. Включенность в интимный процесс большого количества субъектов и ритуализация процедур, с одной стороны, уничтожает понятие приватного пространства. С другой стороны, категоризация секса как удовольствия в республике недопустима, по Фуко, удовольствием является знание об удовольствии. Таким образом, секс в Галааде признан как бы наполовину, возводя в абсолют режим подавления, постулирующий исчезновение самого явления [10, с. 100]. Проблема отчуждения доведена в романе до самой сложной стадии этой проблемы – отчуждение не только от Других, но и от себя, своего тела.

Созданный режим в основе своей парадоксален и может быть очень жесток и к тем, кто является его ярим апологетом. Искренне принимающая идеалы нового общества юная Иден, верящая в непогрешимость существующего порядка, в итоге приговаривается к смерти за прелюбодеяние, не пожелав отказаться от своих чувств, и солгать.

В работе «Банальность зла» [2] Ханна Арендт описывает злодейство нового типа, лишённого сколько бы то ни было пафосного ореола и стремления разру-

шить ценности современного мира. Банализация насилия выражена в публичности смертных казней, которые являются рядовой и одобряемой процедурой для режима Галаада. Каждый ответственный житель республики просто делает свою работу, совершенно не рефлексировав ее содержание и последствия.

Антиутопический проект будущего на художественном материале актуализирует основные социальные проблемы, осмысленные в философском дискурсе XX–XXI вв. Среди особо важных следует выделить атомизацию и радикализацию общества: резкое социальное расслоение; идеологизацию; монополию на знание, насилие и власть, узурпированную элитой; откат к традиционализму, интерпретированного в бинарных оппозициях, представленных, в частности, в строгом гендерном ранжировании общества. Подавление инакомыслия, нормализация харассмента, легкость отказа от своих близких в пользу абстракта общей идеологии, безапелляционность принимаемых решений, жесткая иерархизация и соответствующая система распределения благ нового общества – признаки грядущего миропорядка, на которые следует обратить внимание современному человеку.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. *Адорно Т.* Исследование авторитарной личности / Под общ. ред. В.П. Култыгина. М.: Серебряные нити, 2001.
2. *Арендт Х.* Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме. М.: Европа, 2008.
3. *Балибар Э., Валлерстайн И.* Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М.: Логос, 2004.
4. *Водак Р.* Политика страха. Что значит дискурс правых популистов? Харьков: Гуманитарный центр, 2018.
5. *Дейк Т. Ван.* Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Пер. с англ. М.: Либроком, 2013.
6. *Жижек С.* Чума фантазий. М.: Гуманитарный центр, 2017.
7. *Замятин Е.* Мы. Public Domain, 1920.
8. *Маркузе Г.* Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003.

9. *Оруэлл Дж.* «1984» и эссе разных лет. М.: Прогресс, 1989.
10. *Фуко М.* Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / Пер. с франц. М.: Касталь, 1996.
11. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003.
12. *Этвуд М.* Рассказ служанки. М.: Изд-во «Э», 2017.

R E F E R E N C E S

1. *Adorno T.* The study of an authoritarian personality / Under total. ed. V.P. Kultigina. М.: Silver threads, 2001.
2. *Arendt H.* The Banality of Evil. Eichmann in Jerusalem. М.: Europe, 2008.
3. *Balibar E., Wallerstein I.* Race, nation, class. Ambiguous identities. М.: Logos, 2004.
4. *Wodak R.* Politics of fear. What does the discourse of right-wing populists mean? Kharkiv: Humanitarian Center, 2018.
5. *Dake T. Van.* Discourse and power: representation of domination in language and communication / Trans. from English М.: Librokom, 2013.
6. *Zhizhek S.* Plague fantasy. М.: Humanitarian Center, 2017.
7. *Zamyatin E.* We. Public Domain, 1920.
8. *Markuze G.* Eros and civilization. One-dimensional man: A study of the ideology of a developed industrial society. М.: ООО Publishing House AST, 2003.
9. *Orwell J.* "1984" and essays from different years. М.: Progress, 1989.
10. *Foucault M.* The will to truth: on the other side of knowledge, power and sexuality. Works of different years / Trans. from French М.: Castal, 1996.
11. *Huntington C.* Clash of Civilizations. М.: Publishing House AST, 2003.
12. *Atwood M.* The story of a maid. М.: Publishing House "E", 2017.

8 декабря 2018 г.